

Жизни и роли

Василий Ливанов

*Судьба и ремесло.
Актерские истории*

Василий Борисович Ливанов

Судьба и ремесло.

Актерские истории

Серия «Жизни и роли»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25018431

*Василий Ливанов. Судьба и ремесло. Актерские истории: ТД Алгоритм;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-906947-66-6

Аннотация

В юности он был похож на наследного принца – зрители до сих пор помнят прекрасное утонченное лицо Василия Ливанова в фильме «Слепой музыкант». Собственно, он и был наследным принцем: третий в актерской династии Ливановых: внук артиста Николая Ливанова, сын знаменитого мхатовца Бориса Ливанова.

Можно сказать, что судьбу Василия Ливанова определил круг завсегдаев дома его родителей. Это Б. Пастернак, В. Качалов, Н. Черкасов. «Общение с отцом, с кругом его друзей – это моя школа в искусстве. У нас в доме перебивала вся советская творческая интеллигенция», – скажет позже Василий Ливанов.

Василий Ливанов – чрезвычайно многогранный гений, без которого нельзя представить себе советский кинематограф и мультипликацию. Наш советский Шерлок Холмс, созданный

Ливановым, был признан лучшим в мировой кинематографии, и многие из нас до сих пор замирают у телевизора, услышав знакомый голос с характерной «трещинкой»... О том, как начиналась карьера легендарного актера, о прошлом и настоящем честно и без купюр рассказывает сам Василий Борисович Ливанов. Перед вами – первая и лучшая книга воспоминаний великого актера!

Содержание

Воспоминания и впечатления	6
Гори, гори, моя звезда...	6
Михаил Константинович	13
Встреча с Раневской	19
Рина	25
О Мартинсоне	30
Люди и куклы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Ливанов

Судьба и ремесло.

Актерские истории

© Ливанов В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Воспоминания и впечатления

Гори, гори, моя звезда...

Посвящается памяти Евгения Урбанского

Кажется, это было первое солнечное утро той весны.

На освещенном склоне сопки четко вырисовывались стволы кедров и тени под ними. На съемку ждали Урбанского. Он закончил работу в театре и вылетел из Москвы.

Из лагеря киноэкспедиции за ним ушла машина. И, конечно, как всегда в кино, с корабля на бал: вылез из машины – и немедленно включайся в работу.

Мы репетировали, когда заметили высокую фигуру человека на склоне.

Человек свергался к нам вниз. Не спускался, не сбегал, а именно свергался, как водопад.

Вот он ловко перепрыгнул через прелые бревна и подошел. Широкоплечий, тяжелограциозный. Громыхнул:

– Здравствуйте!

Здравствуйте! – эхом отозвалась тайга и сопки, и мы все, почему-то заулыбавшись, ответили:

– Здравствуйте!

Так начался для меня Урбанский.

В фильме «Неотправленное письмо» есть эпизод, где проводник Сергей бьет Андрея, неправильно истолковав его слова о любимой. Три удара, и я – Андрей – должен лететь с бревна в воду.

– Что, правда бить? – недоумевал Урбанский. – Я не буду...

Его уговаривали, сердились. Наконец Урбанский сдался. Мы встали рядом на скользком бревне над потоком. Началась съемка.

С Евгением Урбанским и Иннокентием Смоктуновским на съемках фильма «Неотправленное письмо»

Мы встретились глазами. Но не взгляд взбешенного Сергея встретил меня. На меня смотрели страдающие глаза. Пауза. Женя неловко ткнул меня в плечо, в шею. Снова пауза, и я возможно эффектнее плюхнулся в поток.

– Никуда не годится! Сначала! – закричал Михаил Константинович Калатозов.

Быстро просушили над костром мою одежду, и мы снова – на бревне. Все повторяется сначала.

В горных реках вода и летом ледяная, а уж весной по-давно. Просушивая одежду после четвертого дубля, я сказал Урбанскому, что, если мы сейчас же не снимем хороший дубль, я схвачу воспаление легких. Это возымело действие. Я полетел в поток, не заботясь об эффектности падения.

После съемки Женя спрашивал меня:

– Не больно? Ну, правда, не больно? – И просил: – Ну стукни меня хоть раз, а то я тебя пятнадцать раз стукнул, а ты меня ни разу. Ведь обидно, правда?

У него часто проскальзывало это слово – «правда».

Он с почти детской верой и простодушием отождествлял себя со своими героями, жил их переживаниями, мучился от малейшей фальши, громко радовался удачам.

Как-то на съемках Татьяна Самойлова рассказывала режиссеру о том, как задумала провести эпизод своей героини: – ...Она будет сидеть и рыть землю руками, вот так, а потом разожмет кулак и увидит – алмаз. Она тогда откинется

назад и будет плакать...

Урбанский, прислушиваясь к разговору, вдруг раздраженно сказал:

– Хорошо, она будет плакать. А ты в это время что будешь делать?

Он отдавал всего себя исполняемой роли. Он принес в искусство жизнелюбие, застенчивую нежность, нетерпимость к ханжеству.

И неудивительно, что в первой же своей роли в кино Урбанский получил широкое признание зрителей.

В городе Кызыле, где проездом была наша киноэкспедиция, шел фильм «Коммунист». Урбанский позвал меня в кинотеатр.

– Давай посидим, посмотрим. Не на меня, чудак, на публику. Ведь интересно.

Весь сеанс он мешал мне. Гудел в ухо:

– Плохо у меня, смотри, плохо... Не так тут надо было... А это ничего, получилось... А сейчас будет кадр, где я руки забыл помазать. А тут хорошо... смотри, хорошо стою, как олень...

Это была сцена любовного свидания, где он правда стоял хорошо и правда как олень.

Он не дал мне досмотреть фильм до конца, потащил к выходу:

– Ну уже все, уже конец. Сейчас свет зажгут. И когда мы шагали по ночным улицам, сказал:

– Зажгут свет, увидят меня и подумают: пришел, смотрит, сам себе нравится.

С Татьяной Самойловой в фильме «Неотправленное письмо»

Над Енисеем колышется жаркое море. После съемок мы возвращаемся в Дивногорск на бойком буксирном катере. За кормой, исходя белой пеной, ярится бурун.

– Знаете что, парни, – предлагает Иннокентий Смоктуновский. – На пристани удобные мостки. Приедем – искупаемся.

– Зачем мостки? Здесь искупаемся.

Урбанский быстро разделся и, оттолкнувшись от кормы, бросил свое сильное тело прямо в клокочущий бурун. Это было красиво, это было здорово, черт возьми!

– РисуетсЯ Урбанский! – заметил кто-то.

Неправда! Урбанский не рисовался. Он озорно радовался жизни во всех ее проявлениях, любил, чтоб захватывало дух.

Крупные сильные руки с гибкими пальцами держат гитару. Женя перебирает струны лениво, как бы нехотя. Начинает наигрывать какой-то веселый мотив, мы вполголоса подпеваем и умолкаем.

Поздний вечер. Мы уже (в который раз!) спели все песни и частушки собственного сочинения. А ведь завтра рано вставать. Но никто не расходится. В крохотном купе лагерьного вагончика тесно, мы сидим плечом к плечу на жестких койках. Только вокруг Жени немного свободного пространства: ведь в руках у него гитара.

Аккорд, еще аккорд... Гори, гори, моя звезда!

Женя поет полным голосом. На этот раз никто не подпевает. Это должен петь только он, так может петь только Ур-

банский.

– Гори, гори, моя звезда!..

Урбанский первым уезжал из экспедиции. Собираясь в дорогу, вдруг предложил мне:

– Хочешь, я тебе свою рубаху подарю? Просто так. Я уезжаю, а тебе еще тут работать.

И когда я принял подарок, он обрадовался и уверял, что рубаха мне невероятно к лицу. В общем, вел себя так, будто не он мне сделал подарок, а я ему.

Его провожали по таежной традиции залпами из ракетницы и охотничьих ружей. Он легко забросил чемодан в кузов грузовика, хлопнул дверцей кабины. Взревел мотор.

И сразу в вечернее небо одна за другой взвились ракеты: зеленая, красная... Грянул прощальный залп.

Женя, высунувшись из окна кабины, смеялся и махал нам рукой.

Ах, Женька, Женька... Много было вместе перепето песен, много перетоптано дорог, много переговорено и перемолчано вместе.

И ни разу я тебе не сказал, что крепко люблю тебя.

Не сказал по глупой нашей привычке все переводить в шутку.

Подняв к небу стволы, салютую тебе.

Огонь! Огонь!

И плывет перед глазами твое смеющееся лицо.

Михаил Константинович

Лагерь таежной киноэкспедиции по фильму «Неотправленное письмо» расположился на берегу лесной речки Ус в строительных вагончиках. Художник Давид Веницкий занимал один отсек такого вагончика вместе с режиссером Михаилом Константиновичем Калатозовым.

Вскоре художник пожаловался мне:

– Представляешь, я каждое утро просыпаюсь от того, что Калатозов на меня упорно смотрит. И как только открываю глаза, он вместо «доброго утра» задает один и тот же вопрос: «Ну что?» Он меня с ума сведет!

Узнав Михаила Константиновича еще в Москве во время долгих бесед и репетиций и помня кое-какие рассказы о нем, я высказал Веницкому свою догадку: мне кажется, что Калатозов требовательно желает, чтобы с ним самим и с людьми вокруг него непрерывно что-то обязательно происходило, даже во сне, и чтобы это «что-то» было приключенческим, захватывающим, психологически сложным, романтическим, героическим и лиричным... Веницкий признал мою догадку верной, повеселел и успокоился. Михаил Константинович действительно хотел быть в эпицентре самых значительных мировых приключений. Не будучи в состоянии в полной мере осуществить такое свое желание в реальной жизни, он сам создавал на экране и вокруг себя атмосферу и обстановку

приключения, без которого чувствовал себя несчастным.

Кинематограф, как никакой другой вид искусства, дает к этому возможности. Ну где еще можно с запланированным риском и за сравнительно короткое время то пробираться через горящую тайгу, то погибать от холода за Полярным кругом? Думаю, что именно страсть к приключениям сыграла решающую роль в выборе Калатозовым профессии – сначала оператора (фильм «Соль Сванетии»), а потом режиссера кино. Не надо было дожидаться вопроса «Ну что?» – Михаил Константинович с наивной доверчивостью всегда готов был выслушать самые невероятные истории. Из этой совершенно мальчишеской черты в характере Калатозова оператор фильма Сергей Урусевский устроил себе забаву.

– Васька, – подбивал меня Сергей Павлович, – прошу тебя, подойди к Мишако (так в группе называли между собой Калатозова) и расскажи ему какую-нибудь историю... Ну прошу тебя!..

– Знаете, Михаил Константинович, вчера пошли мы с Женей Урбанским в тайгу... – начинал я импровизировать историю, еще не зная, чем она закончится, – и вдруг смотрим – косуля...

– Ну, ну... – нетерпеливо торопил Михаил Константинович.

– Женя выстрелил, косуля упала... и вдруг из бурелома вылезает медведь... огромный!

– Подожди! – Калатозов хватал меня за рукав. – Идите

сюда! Все сюда! Вася рассказывает такое...

Со всех сторон нашего лагеря подходили слушатели. Приходилось повторять историю сначала, и не раз, разукрашивая ее новыми подробностями.

— Мы с Женей затаились: жаканов-то против медведя у нас не было, только картечь... а медведь, представляете, схватил косулю, взвалил ее на плечо и пошел... как человек...

— На плечо? Колоссально!!!

Восторгу Михаила Константиновича не было предела — пошел как человек? Грандиозно!!!

Слушатели, в основном бывалые мужики, конечно, понимали, что я отчаянно вру. Но из уважения к восторгам режиссера сочувственно крутили головами, даже не перемигивались.

В конце подобных историй Михаил Константинович, подумав, обычно спрашивал меня:

— А ты не врешь?

Я таращил глаза и разводил руками. Слушатели быстро расходились. Так я никогда и не узнал, поверил хоть одной моей невероятной истории Калатозов или нет. Но твердо знаю, что хотел бы поверить. Во всяком случае, у Жени Урбанского правдивость моего рассказа не проверял.

Впрочем, Калатозов и в жизни не был обойден приключениями, которые, наподобие своих фильмов, создавал сам. В послевоенный год Михаил Константинович был назначен представителем советского кино в Голливуд (была тогда та-

кая должность!). Калатозов был холост, а по существующему протоколу любой советский представитель за границей должен был быть женатым человеком. Калатозов позволил известной ленинградской театральной актрисе, с которой был едва знаком и которая, к тому же, была замужем. Но режиссерский глаз Калатозова сумел разглядеть в актрисе родственную душу: любительницу экстремальных приключений. На предложение Михаила Константиновича отправиться с ним на два года в Голливуд в роли его жены актриса ответила согласием. В Голливуде якобы муж и якобы жена недолго тяготились семейными обязательствами. Рассказывали, что красавец Михаил Калатозов очень скоро закрутил роман со звездой тех лет Бетт Дэвис. Актриса же переживала свои собственные романтические увлечения.

По возвращении на Родину они расстались «без слез, без сожалений». Актриса вернулась в Ленинград, где была прощена и принята все еще любившим ее законным мужем.

Можно предположить, что такой экстрим с участием видного режиссера, красавца-грузина, развлек Вождя. А возможно, и по каким-то другим причинам приключение осталось без дурных последствий.

Михаил Константинович Калатозов поставил такие известные фильмы, как «Валерий Чкалов», «Верные друзья», «Красная палатка» и, конечно, «Летят журавли», которые принесли ему всемирную известность. Фильмы эти очень разные, и даже трудно порой представить, что веселую ко-

медию о трех немолодых друзьях, собравшихся однажды отдохнуть на плоту, мог создать тот же режиссер, что воплотил эпопею о ледовом подвиге Нобиле. А эту картину, в свою очередь, трудно сопоставить с пронзительной лирикой «Журавлей». И, тем не менее, как это ни странно, делал их один и тот же человек – Михаил Калатозов – режиссер в высшей степени разнообразный, но всегда страстный, увлеченный, всегда молодой. Михаил Константинович был убежден, что игра актера, его переживания будут неполноценными, если он как человек не ощутит просто физически весь вкус «предлагаемых обстоятельств».

В «Неотправленном письме» мы по-настоящему горели в пожарах, по-настоящему изнывали под настоящей тяжестью геологического груза, по-настоящему захлебывались в ледяной воде лесных рек. В таежную экспедицию почти все мужчины взяли охотничьи ружья. И, конечно же, Михаил Константинович! На берегу речки Ус Калатозов «пристреливает» свое ружье. Я высоко подбрасываю пустую консервную банку. Бац!.. Мимо... Бац-бац!.. Мимо. Меняемся ролями.

Выстрел – и пробитая дробью банка падает на землю.

– Это ты случайно, – огорченно говорит Калатозов, – давай, повтори.

– Не хочу вас огорчать, – нахально отвечаю я и, закинув ружье за плечо, притворно-лениво ухожу в свой вагончик.

Ружейная пальба продолжается.

Через некоторое время что-то с грохотом влетает ко мне

в окно и катится по полу. Пробитая банка! В окне сияющее прекрасной белозубой улыбкой лицо Михаила Константиновича.

– Попал! – сколько мальчишеской гордости в этом «попал»!

– Поздравляю. Когда поохотимся?

– Не знаю. Я истратил все патроны.

Дорогой Михаил Константинович! В искусстве вы не дали ни одного промаха и были неподражаемы в своих приключениях, прекрасны, незабываемы!

Встреча с Раневской

После успеха мультфильма «Малыш и Карлсон» на киностудии «Союзмультфильм» решили делать продолжение – «Карлсон вернулся».

Режиссер Боря Степанцев почему-то вбил себе в голову, что персонаж домоправительницы фрекен Бокк должен говорить только голосом Фаины Георгиевны Раневской. Даже настоял, чтобы художник Юра Бутырин изобразил домоправительницу максимально похожей на знаменитую актрису.

Но одно дело захотеть, а совсем другое – заполучить согласие Раневской на работу в мультфильме, особенно когда выяснилось, что актриса никогда в такого рода творчестве участия не принимала.

Теперь успех зависел только от «переговорщицы»! Эта нелегкая задача выпала на редактора фильма Раечку Фричинскую. Оказалось, что Фаина Георгиевна «Малыша и Карлсона» уже видела на телеэкране и особенно отметила мою актерскую работу. Дальше Раечка пустила в ход свое очарование, и в результате было назначено совершенно конкретное время озвучания, а именно «завтра, в два часа дня».

Это «завтра» застало режиссера Бориса Степанцева врасплох. Боря вышел в режиссеры из художников совершенно самостоятельно, режиссерские навыки постигал опытным путем, а работу с актерами строил на полном взаимном до-

верии.

Но тут – Раневская! Нельзя же ей сказать: ты, мол, давай, а я по ходу дела скажу, что мне понравилось, а что не понравилось.

Боря впал в панику. Он бросился в театральную библиотеку, записался на абонемент и набрал домой книг, о которых раньше знал только понаслышке: «Работа актера над собой» К.С. Станиславского, «В.И. Немирович-Данченко на репетиции», «Театр Вс. Мейерхольда» и черт знает что еще. Всю ночь, не смыкая глаз и поддерживая себя крепчайшим кофе, Боря штудировал труды патриархов и корифеев театральной режиссуры, выписывая на бумажку наиболее поразившие его профессиональные откровения, и продолжал делать это и утром, пока не наступило время ехать на студию. В общем, Боря оказался в положении закоренелого двоечника, который сидит за учебниками в последнюю ночь перед государственным экзаменом и молит Бога о том, чтобы вытащить самый легкий билет.

Но билет-то был всего один, и совсем не легкий, – Раневская.

Мы с Раневской. Я – Карлсон, она – «домомучительница»
фрекен Бок в мультфильме «Карлсон вернулся»

И вот пробил назначенный час, и в просторное помеще-
ние тонателье всплыла, покачиваясь, монументальная фигура
прославленной актрисы. Раечка, пользуясь телефонным зна-
комством, представила собравшихся. Собственно, собрав-
шихся было двое: я и Боря Степанцев – режиссер. Да еще
звукооператор, отгороженный толстым витринным стеклом,

через которое было видно, что он вежливо привстал со стула.

Когда звуконепроницаемая дверь тонательно за Раечкой закрылась, Фаина Георгиевна величественно наклонила голову в сторону режиссера (Степанцев был невысокого роста) и протяжно произнесла:

– Ну-у-у...

И тут Боря ударил фонтаном. Кто видел, как запускают фонтан в действие после долгого зимнего перерыва, когда вода со свистом ударяет ржавой струей на немыслимую высоту, тот сможет оценить сравнение. Все сведения, которыми Боря набивал свою переутомленную голову всю ночь и большую часть утра, теперь вырвались на свободу, немыслимо перепутавшись в еще никем не слыханную теорию работы с актером. Боря от природы слегка закашивал одним глазом, а тут зрачки его совершенно разъехались по обе стороны лица, и было заметно, что Раневская пытается поймать его взгляд, но ей это никак не удастся.

– Ну вот что, – вдруг произнесла Фаина Георгиевна, когда фонтан несколько иссяк, – мне карманный Немирович-Данченко не нужен! Идите вот туда, – ее палец указал в сторону звукооператорской рубки, – и смотрите на нас из этого аквариума. А мы с Василием Борисовичем начнем работать.

Режиссер Степанцев безропотно отправился в «аквариум», и я видел через стекло, как он достал из кармана какую-то бумажку, украдкой заглянул в нее и быстро сунул обратно в карман. Понял, что шпаргалка не поможет.

Партнерский контакт между мной и Фаиной Георгиевной установился мгновенно.

– Это вы сами придумали «день варенья»? Я сразу поняла – импровизация. Шалунишка...

Через некоторое время режиссер пришел в себя и стал выкрикивать в микрофон «прекрасно!» или «замечательно!». Наверное, искал способы профессионально реабилитироваться.

Когда дошли до единственной реплики фрекен Бок о возможном приезде к ней телевидения, Фаина Георгиевна призналась, что на работников телевидения за что-то сердита и хотела бы их немного «уесть». Придумали так:

Раневская. Сейчас ко мне должны приехать телевизионные деятели искусств. Что же я им буду показывать?

Я. А я? А меня? Ведь я красивый, в меру упитанный мужчина, в полном расцвете сил!

Раневская. Но на телевидении этого добра хватает!

Я. Но я же еще и талантливый!»

Озвучание закончили довольные друг другом. Режиссер Степанцев вынырнул из своего «аквариума» и попросил Раневскую завершить роль словами «Милый... милый».

– Это еще зачем? – строго спросила Фаина Георгиевна. – Я же это уже говорила, давно и в другом фильме. Не буду! – И потребовала у Бори Степанцева принести ей лист бумаги, на котором написала:

«Милому Василию Борисовичу от его партнерши, с боль-

шой искренней симпатией и с ожиданием новой встречи!

Ф. Раневская.

Весна 70-го года».

В финале мультфильма Фаина Георгиевна все-таки говорит: «Милый... милый...»

Эти слова после долгих уговоров талантливо симитировала «под Раневскую» редактор Раечка Фричинская. Говорили, что Фаина Георгиевна, посмотрев мультфильм, подделки «не заметила». Думаю, ей стало жаль, что так сурово обошлась с режиссером.

Рина

Раздается телефонный звонок, и я слышу знакомый, такой любимый с детства голос:

– Извините, что я вас застала.

Этой придуманной ею фразой Рина Васильевна Зеленая обязательно начинала любой телефонный разговор.

Окружающих порой удивляло, когда некоторые молодые люди называли ее не по имени-отчеству, а запросто – Рина. Но такое обращение к ней Рина установила сама. Люди, которые познакомились с Риной Васильевной еще в своем детском возрасте, должны были называть ее просто Рина, но на «вы». На «ты» ее звал только Никита Михалков, которого Рина Васильевна знала буквально с его рождения. Зачем она изобрела такую классификацию для обращения к ней – мне не известно. Я был подростком, когда моя мама представила меня Рине Зеленой:

– Это Вася, ему десять лет.

– Десять лет! – воскликнула Рина. – Женя, дорогая, вы не успеете оглянуться, а у него уже вырастут усы.

В течение многих лет при каждой новой встрече Рина спрашивала меня:

– А где усы? Я же обещала твоей маме, что у тебя моментально вырастут усы!

Я давно ношу усы, и может быть, подсознательно благода-

ря Рининым настояниям.

Она любила изобретать всякие неожиданные фразочки «по случаю». Многие из них быстро утрачивали авторство, становились, как говорила Рина, «местами общего пользования».

На киносъемках часто можно услышать:

– Кого ждем – сами себя задерживаем! Говорящие это даже не подозревают, что повторяют Рину Зеленую.

Эти веселые фразочки Рина вносила в тексты своих ролей: «У меня от вас каждую минуту разрыв сердца делается» или «Такие губы сейчас не носят» и тому подобные.

Еще Рина сочиняла уморительно-смешные стихи. Так, для себя. Помню последние строчки стихотворения о кузнечике, которое она как-то продекламировала:

Зелененький кузнечик,
Кузнечик молодой,
Скачи скорей, кузнечик,
Скачи к себе домой!

В саду летают птички,
Все на тебя глядят.
И ведь никто не знает,
Когда его съедят.

Ее реакция на происходящее всегда была неожиданна, юмор – неподражаем.

«Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» снимались на киностудии «Ленфильм». Актеры-москвичи жили в гостинице. Как-то Рина позвонила из своего номера, чтобы узнать, какая сцена намечена к завтрашнему дню. Я ответил, что не знаю, мне никто не говорил.

– В этой группе, – сказала Рина, – ничего никому никогда не говорят. Пора брать «языка».

В ней жила огромной силы вера, что, несмотря ни на какие превратности жизни, все равно «все будет хорошо». И саму себя она представляла непременно участником этого «все хорошо».

Рина Зеленая – миссис Хадсон в сериале «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»

Однажды, после запозднившейся съемки, мы с Риной спешили на вокзал к московскому поезду. Маленький студий-

ный автобус мчался по пустому в этот час Невскому проспекту, прихваченному мартовским ледком. Я сидел спиной к водителю. Рина устроилась в самом конце салона, напротив прохода. Вдруг из переулка вылетело такси и ударило наш автобус в бок. Удар был такой силы, что Рину выбросило из сиденья, она пролетела через весь автобус и рухнула ко мне на колени, обхватив мою голову руками.

И что она в этот момент выговорила?

– Спокуха – я с вами!

Книгу своих воспоминаний «Разрозненные страницы» Рина Васильевна Зеленая надписала мне так:

«Все в порядке, мистер Шерлок Холмс?

Рина Зеленая.

XX век».

Все в порядке, милая Рина. Все будет хорошо. Только без вас временами так грустно!

О Мартинсоне

У нас, мальчишек сороковых годов, наверное, самым любимым фильмом был «Подвиг разведчика». Чтобы лишний раз посмотреть этот фильм, прогуливали школьные уроки.

Все реплики персонажей знали наизусть: «За победу! – и после паузы: – За нашу победу!» или: «Вы болван, Штюбинг!» Произнесите сейчас в любой компании лысых, седовласых мужчин любую реплику из этого фильма, и кто вам откликнется другой репликой (а откликнется обязательно), тот человек – мальчишка нашего поколения. Но не менее популярным, чем победительный герой-разведчик в исполнении Павла Кадочникова, был глупый и наглый фашистский адъютант Вилли, которого блистательно играл Сергей Мартинсон. Острая сатира, доведенная до гротеска, в сочетании с жизненной органичной правдой поведения – такое актерское исполнение отличало редкую индивидуальность, мастерский стиль Мартинсона.

А бесноватый фюрер в «Бравом солдате Швейке»? А телеграфист Ять в чеховской «Свадьбе»? Или продавец пивовок Дуремар из «Золотого ключика»... Любое появление артиста на экране неизменно вызывало зрительский восторг.

Мне довелось сотрудничать с Мартинсоном на съемках фильма «Ярославна, королева Франции». Я играл роль бродячего рыцаря Бенедиктуса, Сергей Александрович – духов-

ника французского короля Генриха, посланного сопровождать в Париж королевскую невесту, дочь князя Ярослава.

И хотя сцен, связанных с тесным общением между нашими персонажами, не было – мы подружились.

Выяснилось, что Мартинсон был не только в приятельских отношениях с моим отцом, но когда-то, на заре нашего кинематографа, снимался еще в немом фильме «Восстание рыбаков» вместе с моим дедом – Николаем Ливановым.

Именно из этого обстоятельства Сергей Александрович создал для меня неожиданную, так сказать, проблему. Как оказалось, мы с Мартинсоном живем в Москве на одной улице, и дома фактически стоят почти напротив друг друга. Сергей Александрович жил в маленькой двухкомнатной квартирке один, спать ложился по возможности рано, спал мало и начинал новый день часов с четырех утра. Поэтому время к семи часам утра казалось ему серединой дня и предназначенным, по его мнению, для активного общения.

Если вы привыкли ложиться спать далеко за полночь (это мое расписание) и в семь утра у вас над ухом начинают раздаваться настойчивые телефонные звонки, то вы меня поймете.

При первом таком звонке, ворвавшемся в мой сон, я подумал, что кто-то ошибся номером, потом – что случилось какое-то тревожное событие... С бешено колотящимся сердцем я схватил телефонную трубку и услышал:

– Это говорит человек, который снимался с вашим дедуш-

кой. Ну, когда собираетесь прийти ко мне в гости?

Такие телефонные звонки повторялись если не ежедневно, то раза два-три в неделю. К их тревожной неожиданности я так и не смог привыкнуть.

О Сергее Мартинсоне, о его жизнеутверждающей энергии и озорном лукавом юморе можно вспоминать бесконечно...

Но я бы хотел поделиться только одним эпизодом из его жизни, по-моему, наиболее остро характеризующим Мартинсона.

Сергей Мартинсон с моим дедом Николаем Ливановым в фильме «Восстание рыбаков», 1932 г.

У Сергея Александровича было две дочери. Младшая жила со своим мужем в Москве и часто навещала отца. Старшая дочь, от первого брака, еще в тридцатых годах вышла замуж за иностранца и уехала с ним в Америку. Там она вскоре стала известна как талантливый и успешный художник-дизайнер. Родила детей, вывела их «в люди», пошли внуки. Ко времени, о котором я пишу, в семье уже росли правнуки Сергея Александровича. Фотографии семьи его дочери, детей, внуков и правнуков попеременно с ее картинами украшали стены дома Мартинсона, толпились в рамках на столике.

После войны «американская» дочь ежегодно посылала Сергею Александровичу приглашения посетить ее в ее просторном и красивом доме в Америке.

Не знаю, какие уж предлоги находили наши «компетентные органы», но Сергея Александровича Мартинсона, известного артиста, а также сына бывшего петербургского фабриканта, владельца знаменитой карандашной фабрики «Мартинсон и К⁰», за границу не выпускали.

Но времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

В начале семидесятых годов, когда индивидуальные выезды за рубеж уже перестали быть редким исключением, пришло очередное приглашение от дочери, подкрепленное письмом государственного секретаря (т. е. министра иностранных дел) США господина Венса. Отделаться простыми отговорками стало невозможно. Сергея Александровича по-

просили посетить иностранный отдел ЦК КПСС. Очень вежливые люди усадили Мартинсона в удобное кресло, предложили: чай? кофе? ваше любимое белое вино? – и открыли перед народным артистом государственную душу, полную сомнений.

А сомнения были такие:

– Вы, Сергей Александрович, народный артист Советской страны, популярный и любимый и взрослым, и детским зрителем, всенародно любимый. Мы, конечно, знаем, что ваша дочь ежегодно вас приглашает, а вы все не едете... И представьте, наконец, на этот раз вы выезжаете. Ваша прекрасная дочь встречает вас в своем просторном, благоустроенном доме, вас окружают ваши внуки... да что внуки – правнуки! Все выражают вам свою любовь, пытаются угадать и исполнить любое ваше желание... Мы знаем по вашей переписке – простите, служба! – что вы не утратили любовь к своей дочери, живо интересуетесь ее жизнью и работой, хотели бы приласкать молодое поколение! Но вам уже много лет, дорогой Сергей Александрович, восьмой десяток... Неудивительно, что вы можете расслабиться в этом теплом, родственном окружении и подумать: зачем мне возвращаться? Лучше я доживу свою жизнь в этой милой моему сердцу семье... И останетесь, там останетесь! Вы ведь знаете, какие у Советского Союза на данный момент отношения с Америкой? Представляете, какой вой поднимется в прессе, по телевидению?! Народный артист Советского Союза, люби-

мый нашим советским зрителем Сергей Мартинсон не желает возвращаться в Советскую Россию! Даже страшно подумать, Сергей Александрович, дорогой...

И все инструкторы иностранного отдела ЦК уставились на Мартинсона несколькими парами напряженных глаз.

Народный артист Мартинсон выдержал эффектную паузу. А потом заговорил.

– Молодые люди, – сказал Сергей Александрович, – вы совершенно правы – я стар, очень стар. Я прожил большую жизнь в своей стране, много повидал, ох как много. Было и плохое, и хорошее. Но больше хорошего. Никто не знает своего часа, но, скажу вам, положив руку на сердце, единственное, что я бы еще хотел, – это умереть на Родине!

С. Мартинсон – епископ Роже в фильме «Ярославна – королева Франции»

Инструкторы, сияя улыбками, вызвали машину, гурьбой провожали Мартинсона и клятвенно пообещали, что его поездку в Америку они оформят очень быстро, только бы Сергей Александрович был здоров.

Когда растроганные инструкторы вернулись в отдел, они

живо обсуждали искренний патриотизм народного артиста и громко умилялись. И вдруг один, наиболее опытный, сказал:

– А вот интересно, товарищи, Мартинсон хочет умереть на родине. А где он родился?

Затребовали личное дело народного артиста, заглянули: в Париже!!!

Уж что там в этот раз наврали господину Венсу – не известно. Но каков Мартинсон!

Люди и куклы

*«Борис Ливанов был моим другом, и я рад, что
Василий Борисович опять мой друг».
С. Образцов, 1981 год (надпись на книге «Театр кукол»)*

Когда-то я попросил К.И. Чуковского сделать авторскую надпись на книге «Чудо-дерево» для моей пятилетней дочки.

– Настя, смотри, это тебе написал Чуковский. Знаешь, кто это – Чуковский?

– Знаю, – ответила девочка, – так называются очень хорошие стихотворения.

По-моему, исчерпывающе верный ответ. А как называется необыкновенно привлекательный театр на Садовом кольце, эти населенные забавными зверюшками чудо-часы, которые отсчитывают время нашего детства? Как называются эти широкие мраморные лестницы, на площадках которых в просторных аквариумах плавают сказочные золотые рыбки, этот театральный буфет (такой вкусный!), где среди зелени листвы поют и порхают птицы? Как называется это волшебство, когда в зрительном зале вдруг раздвигается сплошная деревянная стена и маленькие живые человечки (разве куклы?) заставляют нас плакать и смеяться?

Сергей Образцов – вот как все это называется. В образах удачливого Емели или бесстрашного Маугли, благородного

Аладдина или наивного Бегемотика он однажды поселяется в детском взволнованном сердце и остается там на всю жизнь.

Вот уж чего никогда не предполагал, что мне выпадет счастье сотрудничать с ним... Разве можно сотрудничать с убегающим поворотом знакомой улицы, с шумом листвы? Оказывается, можно.

Этим неожиданным сотрудничеством я обязан одной замечательной женщине. Образцов именовал ее Эльже. Загадочная эта аббревиатура заключалась в двух буквах «л» и «ж» и расшифровывалась как «любимая женщина». И действительно, Алину Спешневу – главного художника образцовского театра – невозможно было не полюбить.

Алина Спешнева, главный художник театра Образцова

Она сразу же, с первого знакомства, оставалась в вашей памяти. В ее внешности не было ничего модного, типичного, банального, ничто не соответствовало представлениям о женской красоте, выработанным образцами современного кинематографа. Словно сошла она с живописных полотен старых мастеров: тонкие, несколько удлиненные черты ясного лица, тяжелая медная коса, собранная в тугой узел на затылке, неторопливость походки и жестов, выразивших внутреннюю строгую сосредоточенность и спокойное чувство собственного достоинства.

В дальнейшем общении с Эльже это внешнее привлекательное впечатление только укреплялось ее доброжелательной отзывчивостью, располагавшей к доверию, и живым чувством юмора.

В нашу молодую, шумную и разнохарактерную компанию людей искусства она, вместе со своим мужем Николаем Серебряковым, художником и режиссером, вошла сразу. Их гостеприимный дом стал для нас желанным местом общих дружеских встреч.

Для нас она была Алена – так звал ее муж. Мы все дружно любили нашу Алену, любовались ее красиво очерченным профилем, смотрели в чудесные зеленые глаза, но, и это достоверно, никому из мужчин в нашей веселой компании никогда не приходило в голову за ней, как говорится,

«приударить». И не только потому, что она была замужем за нашим другом. По моему разумению, Алена принадлежала к тому, в наше время исчезающему, типу женщин, которых средневековые рыцари тайно выбирали своими «дамами сердца». Общение с такого рода «дамами» всегда требует внешней, а главное, внутренней подтянутости, не дай бог ударить лицом в грязь: хочется острить без пошлостей, поглубже прятать свой дурной характер, стараться не перебирать лишнего в бурном застолье, короче, совершать над собой постоянные хотя бы маленькие усилия, если нет возможности блистать большими подвигами.

Внезапная трагическая кончина этой замечательной женщины потрясла всех, кто имел счастье знать ее, хотя бы мимолетно. Сквозь слезы вижу зал образцовского театра, наполненный знакомыми и незнакомыми людьми, потерянные лица дорогих друзей и седую голову Сергея Владимировича Образцова, низко склоненную над гробом Эльже, укрытым живыми цветами.

Но вернемся на двадцать пять лет назад. Образцов пожаловался своей Эльже, что не знает никаких «молодых – талантливых», которых можно было бы привлечь к написанию музыкальной пьесы на давно не дающую ему покоя тему Дон Жуана. Алена предложила своих друзей, т. е. меня и Гладкова – драматурга и композитора. Так мимоходом брошенная жалоба Сергея Владимировича обрела реальность. И, замечу, Образцов мог пренебречь любой рекомендацией, но

только не предложением Эльже.

До знакомства я никогда не бывал на сольных концертах Образцова, но, конечно, много раз видел его на телеэкране, запомнил кое-какие шаржи на него, читал его статьи и статьи о нем в прессе. Короче, у меня сложилось о Сергее Образцове вполне определенное представление, и это представление, надо признаться, несколько разочаровывало.

Невысокий, плотный, седой человек с очень светлыми, почти белыми глазами, с подвижным губастым ртом, говорливый. Внешность ярко характерная, сразу запоминающаяся, но... где же загадочные черты, выдающие таинственное, волшебное, магическое очарование его искусства?

Мы встретились.

Уютная, но все же официальная обстановка служебного кабинета. Директор и художественный руководитель прославленного театра сидит в кресле за своим рабочим столом. Я – на стуле за столом для посетителей. Все как полагается.

Но по комнате в течение всего разговора почему-то летает голубь. Белый голубь, точно выпорхнувший из рисунка Пикассо. Птица опускается то на стол, то на спинку кресла и наконец утверждается на моей голове.

Сергей Владимирович не обращает на голубя никакого внимания. Занят беседой.

Спасибо тебе, птица! Ну конечно, конечно же, передо мной Образцов – тот самый, сказочник, волшебник – с ним просто нельзя беседовать иначе, чем сидя вот так – с голубем

на голове. И я еще смел разочаровываться!

Содержание беседы со мной Сергей Владимирович потом описал в своих воспоминаниях. Он хотел сатиру на мюзикл. После выхода спектакля писал:

«Почему мне захотелось высмеять мюзикл? Потому, что он стал модой. И в театре, и в кино, и на телевидении. Мода – это всегда плохо. Всегда штамп. А что может быть опаснее штампа?»

И дальше:

«Что такое модный мюзикл? Берется какое-нибудь классическое литературное произведение, ужимается до сюжетного примитива, и все время поют. Целуются – поют, убивают – поют, умирают – поют».

Почему он предлагает героем Дон Жуана?

«Даже тот, кто никогда никакого Дон Жуана не читал, знает, кто он такой. Это очень красивый мужчина, который губит женщин, отчего они счастливы».

Во время первой встречи мы условились, что, когда будут готовы первые наброски сцен (желательно поскорее!), я покажу их Образцову. Да, и еще желательно, чтобы герои общались на каком-то условном языке, но понятном иностранному зрителю. Ведь если спектакль получится, его повезут в зарубежные гастроли. Было от чего прийти в отчаяние! Что делать? Отказаться?

Но Алена рекомендовала, значит, уверена или, во всяком случае, надеется, что у меня получится... И очень бы не хо-

телось, чтобы в творческой биографии появилась характеристика: драматург, обманувший доверие Сергея Образцова. Этого только не хватало! Значит, даешь муки творчества!

Скоро мне стало ясно, что испанской темой ограничиваться нельзя. Да и пересказывать в куклах классический сюжет тоже не лучшее решение. А что если?.. Ведь Дон Жуан – фигура интернациональная, известная не только в Испании, но и во всем мире. Значит, он может по этому миру перемещаться, возникать где угодно: во Франции, в Италии, в России, в Америке... Дон Жуан существует уже не одно столетие и ничуть не изменился со временем. Прекрасно себя чувствует и в наше время, в современном мире. Все вокруг изменилось, а он все тот же: в плаще и шляпе, с гитарой и длинной шпагой. И все так же неотразим.

А как он возникает в сегодняшнем дне? Просто так является сам по себе – и все? Нет, нужна какая-то предыстория. Но какая? Конечно, всем знаком испанский сюжет с донной Анной и Каменным гостем. В результате этого известного приключения Дон Жуан проваливается в ад, потом... бежит из адского котла и попадает в наше время. То в Италию, то в Россию, то...

Композитору эта фабула пьесы пришлась по душе: есть где развернуться. Геннадий Гладков, Генька – друг мой со школьных лет и в искусстве, и в жизни вне искусства, хотя понятия творчества и быта, освященные дружеским постоянством, разделить, наверное, невозможно. Алена это знала,

чувствовала и поэтому рекомендовала Образцову нас обоих. Интересно, что основной музыкальной темой спектакля стала мелодия «испанской» серенады, сочиненной Гладковым на мои стихи еще в наши школьные годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.